

Б И Б Л И О Т Е К А

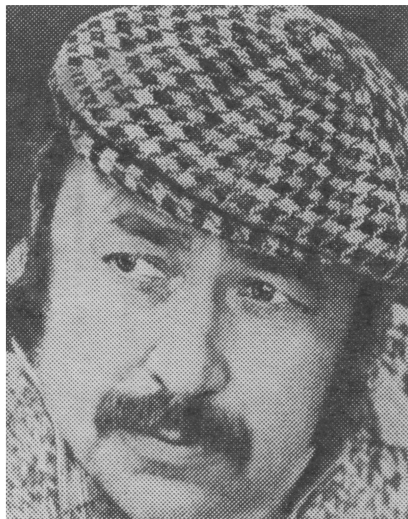
ISSN 0132—2095

ОГОНЁК

№ 13

1987

Григорий ПОЖЕНЯН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 13

Григорий ПОЖЕНЯН

ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Григорий ПОЖЕНЯН

Родился Григорий Михайлович Поженян в г. Харькове в 1922 году. Здесь же окончил десятилетку. Отсюда по комсомольской путевке ушел служить на флот.

С 1939 по 1945 год служил в рядах Военно-Морского Флота. Воевал разведчиком. Принимал участие в обороне Одессы, Севастополя, а также в морских десантах в городах Новороссийск и Керчь. Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и многими медалями. Григорий Поженян — человек поистине легендарной судьбы, недаром имя его значится на мемориальной доске по улице Пастера г. Одессы среди особо отличившихся ее защитников во время Великой Отечественной войны.

В 1952 году Григорий Поженян окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал котельщиком на калининградских верфях, принимал участие в длительных заграничных плаваниях на судах Одесского пароходства.

Со дня публикации первых стихов поэта в 1948 году у него вышло более двадцати книг стихов. По его сценариям поставлено несколько художественных фильмов.

За книгу стихов «Погоня» Григорий Поженян удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

* *
*

Он бежал к валуну,
разбивая о гальку ступни.
Я поверил в луну,
что меня укрывала в тени.
А потом уж двоих
на молу засветила она.
Он упал и затих.
И ушла облаками война.
В сорок пятом году,
в майский день погребения зла,
я поверил в звезду,
что на всех небесах проросла.
И, не веря себе,
потому что был дважды убит,
я поверил трубе,
что губами победы трубит.
И лучу, что во мгле
воскресает, весна — не весна.
Я поверил земле
и на ней належался сполна.
Победивший, теперь
вроде сам у себя я в долгу.
Отвергаю: «Не верь».
И иным доживать не могу.

* *
*

Ни словом против правды не грешу.
Не за себя, а за других прошу.
Пусть на сухую землю снег не ляжет.
Пусть я свою надежду засушу,
но пусть надежда руки им развяжет.
Не ведая, как многолик обман,
просил за двух младенцев Магеллан.
Просил терпенья гордой Беатрисе.
Прошу за всех ушедших в океан.
Прошу земле распаханной семян.
Прошу ролей моей жене — актрисе.
Поэты поле радости не жнут,
пока хоть чью-то спину ищет кнут.
Прошу за всех, прижатых к парапету.
И, если есть на небесах приют,
прошу за тех, что на себе замкнут
однажды не взлетевшую ракету.
Всему, что дышит, свой удел и срок.
Покуда дремлет признанный пророк,
спасая от худой молвы осину,
прошу за всех оболганных сорок,
за мучеников,
кто себя обрек
и в праведности
слабость пересилил.
Пусть Арктика избавится от льдов,
смоковница завязнет от плодов,
безумцы обалдеют от черемух.
Прошу за плач сороковых годов,
за благородство безысходных вдов,
за всех, кто был и не был очарован.
Кому я нужен со своей мольбой?!
Как в сказочке о курочке рябой,
молитвой умиления не снижаю.
Готовый на усилье над собой,
прошу я очерстевшею губой,
прошу и, уповая, угрожаю...

* *
*

Не бойтесь, не бойтесь,
не всех трубачей замело.
Вставайте и пойте
любым неудачам назло.
Как спутаны снами,
лежат к голове голова.
Живут между нами
безмолвных признаний слова.
Нет сроков надежде,
но кто-то обязан летать.
И нужно, как прежде,
однажды над бруствером встать.
И крикнуть: не бойтесь,
не всех трубачей замело.
Вставайте и пойте
любым неудачам назло.
Телами прикрыли
мы землю спасенной весны.
Не зря наши крылья,
не зря наши крылья
красны.

* *
*

Высокие гнезда
высоким деревьям качать.
Я знаю: непросто
за все одному отвечать.
И, плюнув на толки,
к друзьям среди ночи вставать.
И долго, и долго,
и долго не уставать.
А было, чего там,
роптать на судьбу не могу.
И били без счета.

И был я у них не в долгу.
И голые стены
валялись на голом полу.
И пил я не с теми,
и пальцы совал под пилу.
В пустынях разлуки
из всех уготованных блюд
учился науке
колючки глотать, как верблюдо.
Но дурно ни разу
не думал зазря ни о ком.
Я был верхолазом,
котельщиком и моряком.
И все ж не спросонок
меня обступали слова.
То жесть похоронок
свои предъявила права.
Снега, что атели
на скорбных равнинах нагих,
однажды велели
писать, как просить за других.

* *
*

А. Хмелику

Молчи, как палец у курка,
как нож в немом покое ножен.
Молчи, как колокол, что должен
молчать, не грянул час пока.
Молчи, как реки подо льдом,
как торф, как смолы, как молока,
как зерна, что молчат до срока,
чтоб всем пожертвовать потом.

* *
*

Над нами что-нибудь да властвует
всегда превыше, чем желания.
То по причинам внутрикастовым,
то по законам выживания.
И наши судьбы с их зигзагами,

противоборством и исходом
замотивированы загодя,
запрограммированы кодом.
И, словно связаны порукою,
в угрюмстве хищном и жестоком:
бобры охотятся за щукою,
волк — за бобром,
а мы — за волком.
Но, слава богу, есть мгновения,
когда обнажена порода.
И нам однажды от смирения
вдруг не хватает кислорода.
И все вверх дном,
все вверх тормашками.
И жнешь впервые то, что сеял.
И ничего уже не страшно нам.
И есть просвет,
и нет спасенья...
Так под разомкнутыми сводами,
когда невыносима стая,
мы платим за любовь свободой,
об одиночестве мечтая.
Так звук, молчание преследуя,
рожденный скорбью и восторгом,
продлит дыхание последнее,
вдох облегчения исторгнув.

НОРД-КАП

В. Конецкому

Уходят таланты и бездарь
крутами волков и лисят.
Пора оглянуться над бездной,
когда тебе за шестьдесят.
Когда от дыхания юга
остался незнойный накат.
И, словно на проводах друга,
прощальным виденьем Норд-кап*.
А дальше на север, а дальше,
за гранью свободной воды,

* Норд-кап — самая северная точка Европы.

застывшие страсти без фальши,
безмерные, вечные льды.
Кто плавал у этих отметок,
у жестких ледовых границ,
тот знает, как зыбок и едок
осадок последних страниц.
И надобно без проволочек
не ждать безучастно, когда
тебя без любви проволочат
остывших пристрастий года.
И нужно, как в самом начале,
без драм и пожатий тугих
на пиках прозренья ночами
себе додавать за других.
Постигший забвенья науку,
проживший в тени и в чести,
постыдно всевластную руку
сильнее, чем должно, трясти.
А преданно, снова и снова
морскими узлами вязать
свое незащитное слово,
которое нужно сказать.

* *
*

Артёму Боровику

Все то, что случится,—
случиться должно.
Тому, кто стучится,
открою окно.
Постель постелю,
накормлю перед сном.
А будет вино,
напою и вином.
А утром в дорогу.
Один так один.
На поиски бога
до поздних седин.
Ищи свою душу.
Найдешь, не изверь.
И море, и суша,
и рыба, и зверь
в извечном движенье,

в конечном пути.
Свое постижение
стремятся найти.
И в несообразье,
друг другу сродни,
в распаде и в связи
едины они.
Все то, что случится,—
случиться должно.
Как злобность ни тщится,
но ей не дано
гулять без боязни,
меняя тавро.
Все ждет своей казни:
и зло, и добро.
Но разве не стоят
все зимы весны...
Не тонут,
не тонут,
не тонут слоны.
А дети все слышат.
И я в их строю.
Как голый жираф,
на пригорке стою.

ПОЭТ

Скорее ссоры, а не выгод
искал сухой полупоклон.
А были волосы не лен.
И глаз арапских дерзкий выкат.
И все не так, не как у всех:
восторг — предчувствие разлуки,
влюбленность — как начало муки.
И нервный жест, и резкий смех.
Как шпаги, кисти рук скрестив,
неизъяснимой силы полон.
Он был как вызов и как повод.
Невыносим, несовместим.
...Сугробы ссыльные тихи.
Снега немилости глухие.
Когда под следствием стихия —
под подозрением стихии.

Крут императорский порог,
его соблазны неуклюжи.
И стягивался туже, туже
удавки шелковый шнурок.
Но если хоть на полчаса
луч пробивался в щель просвета —
распахивались небеса
смягчить прозреньем скорбь поэта.
А надо всем была одна —
его распятие и тайна.
Ни та, ни эта... Ни Наталья.
Закрытый звук — Карамзина.
Пока в зрачках любовь, и слово,
и ощущение вины,
ни царь, ни пуля не страшны,
ни время, что всегда сурово.

ТАЛАНТ

Еще не зная, что тебя влечет
на рифы неизведанных открытий,
кто поселился, ангел или черт,
в душе, поднявшей паруса отплытий;
еще на изначальном рубеже
ты в поисках глубин идешь мористей, —
а тень сомненья расползлась уже
по коже неоформившихся истин.
Но, скрытой одержимостью влеком,
внеклеточной и внематериковой властью,
прозрения накатывая ком,
себя ты чьей-то ощущаешь частью.
Талант надличен.
Как ты ни зови,
как ни тащи за хвост кота удачи —
кровь под ногтями и крыло в крови.
Чем ближе сласти,
горечь правды дальше.
Талант надличен.
Нет ни вечных льдов,
ни тайною задушенной ошибки.
Уже давно под тяжестью годов
заждались нас
пророчества пушинки.

Талант надличен.
Лишь хватило б сил,
все отменяя над тцетой вчерашней,
встать у холмов безвременных могил
и ощутить, что ничего не страшно.

* *
*

Два ясных цвета: «да» и «нет».
Два непреложно резких цвета.
Честь и бесчестье.
Тень и свет.
И выбора меж ними нету.
Не полувздох, не полусвет,
а четко, как торпедный след.
Два ясных цвета: «да» и «нет» —
Два непреложно резких цвета.
Как камни в небо,
камни с гор.
Как поздний страх зимы без лета.
Как в храме детский разговор.
Как вопли немоты поэта.
«Да» или «нет» — извечный спор —
два неизбывно жестких цвета.
Я верю: молодость права,
пока кружится голова
и светом розовым согрета
сиреневая синева.
И душно, как в кольце сонета.
Но зрелость всех морей: два цвета.
«Да» или «нет» — судьбы слова.
Благодарю ее за это.

СОЛДАТЫ

Ну что ты мучаешь струну!
Глухой не слышит.
Вали, — учили, — на войну.
Война все спишет.

Еще наемся потом.
Домой вернемся,
не торопясь наладим дом.
И разберемся.
Окольный путь не так уж прост.
Но, как ни грустно,
мы знали, как
не в полный рост
шагнуть за бруствер.
Как повернуть не до конца
судьбы взрыватель.
И отказаться от отца,
признав: предатель.
Как, отступая не в строю,
прийти до срока.
И пайку хлеба, не свою,
взять ненароком.
А там, уже в чужих громах,
тоску развеяв,
распорядиться в полный мах
насчет трофеев.
...Мы жили, открывая лоб,
всегда нагие.
Упав на проволоку, чтоб
прошли другие.
Кому, не знали, суждено
домой вернуться...
В морях, в полях — полным-полно,
не дотянуться.
Свой путь, немереный, большой,
прошли по чести,
с негрешною тогда душой
не врозь, а вместе.

ПАСТЕРА, 27

Если б душа
отделилась от тела,
сколько бы чаек
ко мне прилетело.
Сколько бы ласточек
в окна влетало.
Сколько б коней

в дом тропу протоптало.
Если б душа
отделялась от тела,
я не ходил бы тайком
на Пастера,
в дом, где живут
все друзья неживые,
где не лежат
и цветы полевые.
Может, потом
и случится такое
там, за нездешней
подземной рекою,
на перевозе,
где лодочник желтый
знает, зачем
и откуда пришел ты.
Но на земле
не случается чуда.
Тот, кто погиб,
не приходит оттуда.
Были юнцами,
не стали старее.
Тех, что погибли,
считаю храбрее.
Может, осколки их
были острее.
Может, к ним пули
летели быстрее?!
...Дальше продвинулись.
Дольше горели.
Тех, что погибли,
считаю храбрее.

ПОГОНЯ

Я старею, и снятся мне травы,
а в ушах то сверчки, то шмели.
Но к чему наводить переправы

на оставленный берег вдали!
Ни продуктов, ни шифра, ни грязи
не хочу ни сейчас, ни потом.
Мне сказали:
— Взорвете понтон
и останетесь в плавнях для связи.
...И остался один во вселенной,
прислонившись к понтону щекой,
восемнадцатилетний военный
с обнаженной гранатной чекой.
С той поры я бегу и бегу,
а за мною собаки по следу.
Все на той стороне. Я последний
на последнем своем берегу.
И гудят, и гудят провода.
Боль стихает. На сердце покойней.
Так безногому снится погоня,
неразлучная с ним навсегда.

* *
*

Когда, топорщась, как шинели,
едва преодолевая страх,
мы выиграть битвы не умели
на медсанбатовских пирах...
И были скованны, но звонки
бесхитростные те пиры,
а захмелевшие девчонки
не окончательно добры...
Но тот, спасенный, миг казался
тогда таким, что жизнь мала.
А их руками прикасался
господь солдатского чела.
И все на свете удавалось,
хотя бедой войны мело...
Куда же все это девалось,
с какими грозами ушло,
какою щелочью и молью
клинок разъело палаша,

что боль утрат не стала болью,
а стала бременем души!
Перепахало полдни, сроки.
Как будто ясность затая,
вдруг онемевшие пророки
скатали скатки бытия.

* *
*

Ивану Падерину

Мои единовѣрцы-побратимы
многотерпимы и необратимы.
Горели в танках и в штурмовиках.
Они «ура» в атаках накричались.
Они в ночных разведках намолчались.
Они давным-давно живут в веках.
И нас, в живых оставшихся, так мало.
Не город, а каких-то три квартала.
Еще лет пять, и след накроет след:
строптивых, несговорчивых, надежных,
всех недонагражденных, непреложных,
в дни поражений
и в часы побед.
Не дай же бог нас хоронить последним,
зимою лютой или полднем летним.
Всему свой срок: и книгам, и полкам.
...Счастливые, не знающие жажды,
вы, юные, увидите однажды,
как наш патруль плывет по облакам.

НАСЛЕДСТВО

За то, что ждал так долго,
навек достались мне:
связной с письмом из дома
на каменном коне,
ожившей гильзы порох

в истлевшей кобуре,
черемуховый шорох
на выцветшем ковре
да мамина ограда,
осевшая к весне.
Не так уж много надо,
как выяснилось, мне.

* *
*

Г. К.

Живу с окном на море,
пою «па-рам, па-рам»
и свежего намола
пью кофе по утрам.
Потом бинтую ногу
и точно по часам
иду навстречу богу,
куда — не знаю сам.
И так легко и просто
с морозцем под ребром,
как будто до погоста
тропа не за бугром.
И так светло и звонко
все дуги сведены,
как будто ты — девчонка,
а я — пришел с войны.
Как будто все нам внове:
земля, трава, вода.
И жизнь на полуслове
не рухнет никогда.

СЛОНЫ

Защищая свою крутизну,
не печальтесь, что губы разбиты.
Ни погонщику и ни слону,
как слоны, не прощайте обиды.
Шрам притерпится, боль отболит.
Как бы ни были поводы жестки,

никому не прощайте обид.
Защищайте свои перекрестки.
Есть особый изгиб у спины,
принимающий вызов обрыва.
И особая власть у разрыва.
Не прощайте обид, как слоны.
Без любви: ни щепы, ни следа.
Ни чужим, ни своим и ни званым.
Ни тоски, ни слонят, ни саванны.
Как слоны: никому, никогда.

МУРАВЬИ

А. Зорину

Надоели муравьи
с их неслышнолапостью.
С муравьиной кислотой,
с муравьиной высотой,
с муравьиной храбростью.
Надоели муравьи
с их всеобщей хмуростью,
с их всеобщей норой,
с их всеобщей горой,
с их всеобщей мудростью.
Ах, всего милее слон.
И скажу по совести
мне бы не слоновью кость,—
нужен мне и друг и гость
с нежною слоновостью.
Муравью убить слона —
дело муравьиное.
В том больших секретов нет,
что стоит на этом свет,—
сказочка старинная.

* *
*

А. Гагазуле

Колышутся сонно барханы,
беззвучно струятся пески,
неслышно бредут караваны
верблюжьей щемящей тоски.
Они из пустынного чуда,

из войлочных душных одежд.
Кто знает, куда и откуда
бредут караваны надежд.
Но если под бой барабанов
ты отдал свои города,
откуда ж ты ждешь караванов?
Они не придут никогда.
Так что же мне делать с тобою,
с печальным верблюжьим горбом,
с моей одиночной трубою,
с обиженной детской губою,
с изрытым изменами лбом?
Струится песок по копытам
верблюжьей щемящей тоски.
Все то, что пески накопили,
засыпали сами пески.

ОГОРЧЕННЫЙ ПОСОХ

Памяти Ю. Трифонова

Уходят от меня мои друзья,
они, увы, к своим отцам уходят,
в иной предел,
где только холод, холод.
И ни позвать их, ни вернуть нельзя.
А думалось, что это где-то там,
потом, потом, что солгала кукушка.
Но оказалось:
коротка кольчужка.
А смерть давно ходила по пятам.
А маятник разлаженный стучал.
Не совпадали дни и пароходы,
хоть был у нас у всех один причал
и каждому отсчитанные годы.
А жизни лес валился с двух концов.
Редел от разобщенности и розни.
И все неволью становилось поздним,
как реабилитация отцов.
С обидной резвостью литгинститутских дней

нас поучали лживые пророки.
Была бы польза и за те уроки,
но тем, кто ближе к небу,— холодной.
И надорвался,
слишком был тяжел,
провидческий,
в грязи и в светлых росах,
его тяжелый огорченный посох.
И он от нас и от себя ушел.
...Уходят от меня мои друзья.
Не волоча свой след и не виляя,
Как мамонты, природу оголяя,
уходят от меня мои друзья.

ИДУ ПО УЛИЦЕ ГАМАРНИКА...

А мне опять с тобой невесело,
как будто наши встречи — проводы.
Как будто наши встречи — проводы.
И все неслышной голоса.
Бреду весеннею Одессою,
как одинокий конь без повода,
как одинокий конь без повода,
задравший морду в небеса.
Чужая боль — за занавескою,
чужая радость — за воротами.
Чужая радость — за воротами
и непонятна, и близка.
Что не сбылось, то не в отместку мне,
все то, что было, — не воротится.
Все то, что было, — не воротится.
Ни коготка, ни волоска.
Суши глаза, но я не стар еще.
Суша губа, но снисхождения,
суха губа, но снисхождения
еще в разладах не прошу.
Но заждались меня товарищи,
и никакого в том смятения,

и никакого в том смятения,
что я навстречу к ним спешу.
А город в тополинном мареве
весенним пухом полдень чествует.
Весенним пухом полдень чествует.
Тянусь к нему — и не ловлю.
Бреду по улице Гамарника,
по переулку Тухачевского,
по переулку Тухачевского.
И в доме Постышева сплю.

* *
*

Е. Ф.

Хотелось бы, чтоб кровь моя
была не вязкой.
Еще бы мне хоть раз в моря
перед завязкой.
Не океанская волна
и не Бермуды.
Не служба жесткая страшна.
А пересуды.
И страшен не лесоповал:
нет выше счастья
сурово знать, за что ты пал.
К чему причастен.
Хотелось бы вернуть свой круг
избытых судеб.
Чтоб рядом — друг.
Напротив — друг.
И будь, что будет.
Мы прожили свое не зря.
Не все боялись.
Хотелось бы, чтоб лекаря
не ошибались.
Хотелось бы, чтоб ты вошла,
открыла двери.
И я, как крошки со стола,
смахну потери.

* *
*

В. Корню

Май без трепета и звона.
Обогни еще полсвета —
все равно спасенья нету
у небесного суда.
Зябнут камни Парфенона,
стынут руки у поэта,
и в Афинах и Танжере
холода да холода.
А потом не будет лета.
Только белый или серый,
только серый или белый,
или сине-льдистый цвет.
Это Север, Север, Север.
От сирени душно где-то.
В Магдалене и в Норд-капе
сотворенья вечный след.
Вот она — преград преграда.
Вот оно — начал начало.
Мы килем едва коснулись
вечных тайн и вечных льдов.
Смертным вечности не надо,
нужно нам всегда так мало:
в мае — май, июль — в июле.
После странствий — отчий дом.

* *
*

В крови у нас —
итог веков,
их кодов прорастание.
И зов трубы,
и звон оков,
и смутный гул восстания.
В зрачках у нас —
бессмертья бес,
нейтронный блеск слежения.
И цвет травы,
и цвет небес,
и грусть самосожжения.

Но будет
(береги нас бог!)
как с первых дней творения:
и сто преград,
и сто дорог,
и мрак,
и озарение.
Всему свой срок,
всему свой суд.
И трусости, и золоту...
В лягушку влюбится верблюд,
а принц обнимет Золушку.
Начертит карты Птолемей,
и звездной ночью тихою
через все море соловей
рванет за соловихою.

ОСТРОВ ЕЛЕНЫ

— А есть еще такие острова?
— У нас немало четких карт подробных.
В Гренландском море нет ему подобных:
в двух милях лед, а здесь растет трава.
— Что ж люди не живут?
— Не знаю, право.
Об острове — загадочная слава.
Полгода в год над ним висит туман.
Протянешь руку — пальцев не увидишь.
В туман войдешь, а из него не выйдешь.
— Вы, пайлот, были там?
— Нет, капитан.
— А птицы есть на острове Елены?
— Я видел даже выводок утят.
— Ужели птицы к полюсу летят,
в ледовый плен?!
— Они летят из плена.—
...Здесь от фиалок бабочки хмельны.
И с любопытством, словно за кулисы,
по скальным тропкам ходят в норы лисы.
И нянчат птичьи гнезда валуны.
...Я сразу догадался — это он.
— Гольфстрим? — спросил я.
— Говорят про это.
Он был в хозяйку острова влюблен.

Стал рядом жить.
И подарил ей лето.
— А чем же притча кончилась?
— Пока
Ей нет конца.
Есть у нее начало.
Он был влюблен —
ужели это мало?
Прошли века...
Еще пройдут века...

ЗАКЛИНАНИЕ

Прав охотник или лось,
что бы с ними ни стряслось,
как бы землю ни трепало —
крутится земная ось.
Вместе с небом и травой,
от заботы сам не свой,
крутится зеленый шарик
против стрелки часовой.
Караси и корабли,
жернова и журавли
соответствуют вращенью
грешной матушки-Земли.
Размотав гульбы виток,
в злобном деле зная толк,
всех мастей и мер циклоны
прут на северо-восток.
Все просчитано давно,
все в железной схеме, но...
Крик души неполоненный
с рамой выставил окно.
Я кричу через моря:
не теряйте время зря.
Если любится — любите
с января до января.
А когда заклинит свет —
бросьте несколько монет,
чтоб вернуться, но оттуда
возвращенья, кстати, нет...

КРУГИ

Скажи, зачем ты предала круги?
Все стало явным и невыносимым.
Вонзился дятла стук
в призыв гусиный,
и кто-то крикнул:
— Цапля без ноги! —
Скажи, зачем ты предала круги?
Не я ль поверил,
что все три разлома
земной коры
сошлись у окон дома,
где ты так просто предала круги?
Теперь казись, юли, притворствуй, лги,
и звон, и зов, и звук
тобой разъяты:
в квадратном море
трутся волн квадраты.
Скажи: зачем ты предала круги?

ГРУСТНЫЙ ПАРУС

Если не ждать,
когда он вернется,
и не глядеть в окно —
зачем же тебе
земляничный капор
и черный бархатный бант.
В танце всегда
хорошо прижаться,
а возвратясь домой,
тайком от всех
об этом подумать
в рубашке, пахнувшей льном.
И ничего тут плохого нету.
Всем нелегко весной
ранним утром
сорвать ромашку,
не уронив росы.
...Что ж, у синицы и той
три песни.
Но среди леса мачт

могла бы увидеть мой грустный парус.
Прощай!
Я любил тебя.

ДОМ

Нет спасенья от разлома.
Как ни горько — дело в том:
за ушедшими из дома
ходит, ходит, ходит дом.
Молчаливо, одиноко,
он везде: то тут, то там.
Глянешь в окна —
он из окон.
Выйдешь в ночь —
он — по пятам.
Ни отмазки, ни заслона.
Он стоит, как в горле ком,
онемевший, в центре стона,
брошенный тобою дом.
Дом без окон, без порога
и без дыма из трубы...
От такой спаси судьбы,
жизни жесткая дорога.

* *
*

Дорога заказная
по тоненькому льду.
Куда иду — не знаю.
Но все-таки иду.
Моя луна за стогом.
И, верно, быть поре,
чтоб знать, с каким итогом
проснуться в декабре.
Я долго жил, а нажил
из трубочки дымок.
Телегу жизни нашей
распатывал, как мог.
Зато я славно пожил,
собой не дорожа.

Умел ходить без дрожи
по лезвию ножа.
Лежал с разбитой бровью,
дышал едва-едва.
Как камни к изголовью,
я складывал слова,
Чтоб не было зазора
Меж ними и судьбой.
Уже иду не в гору,
болтаю сам с собой.
Уже иду не в гору.
Железною десной
дожевываю фору,
даренную войной.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТИХА

Валентину Толстых

Снега съедят туман,
а солнце съест снега.
Ромашковый обман
качнет мои луга.
И поплывут они,
а может, полетят
в неведомые дни
за стаями утят.
Пригреются холмы,
оттает окоем,
а там, глядишь, и мы
оттаивать начнем.
Я вызываю сны,
где вся в смоле сосна.
Предчувствие весны
сильнее, чем весна.
И ты, как я, лови
неслышный звук губой.
Предчувствие любви
сильнее, чем любовь.
А даль, что так тиха,
укроет нас двоих.
Предчувствие стиха —
вот что такое стих.

* *
*

Прошу у судьбы не денег,
а в горестный час — совета.
У ночи прошу я тени.
У полдня прошу я света.
Прошу у судьбы не хлеба.
Мне хватит в меже двух зерен.
Двух звезд на любое небо.
Просвета прошу, затора.
Прошу у судьбы не славы,
так хлопотно жить под током.
Хочу я уйти не слабым,
а сам, по своим же срокам.
Но пусть за моим порогом
случится мне эта битва.
Молитва не сделка с богом,
если это молитва.

МОНБЛАН

А души гениев — Монблан.
Они всегда за плененою.
Зимой, и летом, и весною,
и осенью — туман, туман...
Невидимая даль видна
и не видна простому глазу.
Живой не смог постичь ни разу
заветной призрачности дна.
Лишь там, за сферой сфер, в тиши,
за музыкой дисгармоничной,
возможно, слышали частичный
звук отстоявшейся души...

* *
*

Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.
Это наивно, и это не ново.
Не исчезай петушиное слово.
Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.

Нужно, чтоб кто-то кого-то любил:
толстых, худых, одиноких, недужных,
робких, больных — обязательно нужно,
нужно, чтоб кто-то кого-то любил.
Лось возвращенье весны протрубил,
ласточка крылья над ним распластала.
Этого мало, как этого мало.
Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.
Чистой воды морякам под килем,
чистого неба летающим в небе.
Думайте, люди, о боге, о хлебе,
но не забудьте, пока мы живем:
нет раздвоенья у супертурбин,
нет у земли ни конца, ни начала.
Мозг человеческий — как это мало.
Нужно, чтоб кто-то кого-то любил.

* *
*

Говорят: не стой, не стой
на горе, горе крутой.
Говорят, что лучший выстрел —
это выстрел холостой.
Говорят, один сезон
дуб в рябину был влюблен,
но боялся перебраться
к ней через дорогу он.
Говорят, не режь, а мерь,
самому себе не верь.
Вытри ноги, вытри руки
и открой с улыбкой дверь.
Люди дело говорят:
те, кто с краю, — не горят.
Старики не зря учили,
с чьим лицом — в калашный ряд.
Словно школьник у доски,
я стою и тру виски.
Вот поверю им, усталый,
и повешусь от тоски.

Скачет заяц в облаках,
ходит мальчик на руках.
Я, пожалуй, только это
унесу в своих зрачках.

ПОКА СИРЕНЬ В ГЛАЗАХ НЕ ОТЦВЕЛА

Г. Гельштейну

Спешите делать добрые дела,
пока еще не склевана рябина,
пока еще не ломана калина,
пока береста совести бела.
Спешите делать добрые дела.
В колесах дружбы так привычны палки,
в больницах так медлительны каталки,
а щель просвета так порой мала.
А ложь святая столько гнезд свила,
анচারы гримируя под оливы.
У моря все отливы и отливы,
хоть бей в синопские колокола.
Пока сирень в глазах не отцвела
и женщины не трубят в путь обратный.
Да будут плечи у мужчин квадратны.
Спешите делать добрые дела.

* *

*

Оттого и поэтому
веки были красны...
Становились поэтами,
возвратившись с войны.
Чтоб словами нелживыми
день держать в чистоте.
Чтоб, пока еще живы мы,
живы были и те.
Чтобы не с оговорками,
а черна добела,
та война была горькою,
раз уж горькой была.
И чужой от отчаянья,
и своей до конца.

Чтоб роднили случайные
девять граммов свинца.
Чтоб последней разлукою
для тебя, для меня
стал последнею мукою
свет победного дня.
Оттого и поэтому
веки были красны...
Становились поэтами,
возвратившись с войны.
В орденах, без копеечки,
начиная с нуля,
шли мы в скошенной кепочке,
по Тверскому пыли.
И не ждали признания,
посыпая, как соль,
на горбушку призвания
неостывшую боль.

КОРЕННАЯ ВОДА

Елизару Мальцеву

Я говорил себе: копай до дна.
Все остальное — дело наживное.
Суть тайны вод, еще во время Ноя,
ее родством была затемнена.
Но те, кто рыл колодцы до воды,
пласт за пластом срезали, повторяя:
вода бывает первая, вторая,
дай, боже, коренную за труды.
Она сочится из души земли
всевластною усладой нутрянюю.
Ее за избыточность — коренною
копальщики колодцев нарекли.
И, оседаая, я твержу: держись.
Колодец вырыт,
вечность недалече.
Я в коренной воде стою по плечи.
Пусть тает воск,
не убывает жизнь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Он бежал к валуну...»	3
«Ни словом против правды не грешу...»	4
«Не бойтесь, не бойтесь...»	5
«Высокие гнезда высоким деревьям качать...»	5
«Молчи, как палец у курка...»	6
«Над нами что-нибудь да властвует...»	6
Норд-кап	7
«Все то, что случится...»	8
Поэт	9
Талант	10
«Два ясных цвета: «да» и «нет»...»	11
Солдаты	11
Пастера, 27	12
Погоня	13
«Когда, топорщась, как шинели...»	14
«Мои единовѣрцы-побратимы...»	15
Наследство	15
«Живу с окном на море...»	16
Слоны	16
Муравьи	17
«Колышутся сонно барханы...»	17
Огорченный посох	18
Иду по улице Гамарника...	19
«Хотелось бы, чтоб кровь моя...»	20
«Май без трепета и звона...»	21
«В крови у нас...»	21
Остров Елены	22
Заклинание	23
Круги	24
Грустный парус	24
Дом	25
«Дорога заказная по тоненькому льду...»	25
Предчувствие стиха	26
«Прошу у судьбы не денег...»	27
Монблан	27
«Нужно, чтоб кто-то кого-то любил...»	27
«Говорят: не стой, не стой на горе, горе крутой...»	28
Пока сирень в глазах не отцвела	29
«Оттого и поэтому...»	29
Коренная вода	30

Григорий ПОЖЕНЯН

ХОЛМЫ ЗЕМЛИ

Стихи

Редактор Е. А. Антошкин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 13.01.87 Подписано к печати 03.03.87. А 00337.
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,57.
Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80000. Изд. № 924. Зак. 35. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВЫРУЧИТ ПРОКАТ

Не обязательно иметь в хозяйстве все, что может когда-нибудь понадобится.

Предстоит семейное торжество. Посуды потребуется гораздо больше, чем обычно.

Родился ребенок. Необходимы коляска, кроватка, манеж...

На даче не обойтись без холодильника, газовой плитки, раскладушки.

Вещи, которые нужны на время, удобно брать напрокат!

Росбытреклама